

Штрихи к портрету Виктора Кочеткова

СТАРШЕ НА ЦЕЛУЮ ВОЙНУ

НЕКОТОРЫЕ из них кажутся нам сегодня уже почти ровесниками: разница, еще недавно представлявшаяся огромной, теперь совсем уж вроде исчезла, стерлась на нет. Они не чинятся и не обижаются, когда мы самонадеянно переходим на панибратское «ты». Но вот я читаю их стихи и прозу, смотрю фильмы и спектакли по их произведениям и думаю: а имеем ли мы право пользоваться этим добросердечием?..

И вот иду,
при звуках мерных
Седую голову клоня,
Среди смертных,
а не среди бессмертных...
О Година, прости меня.

Надо ведь прожить какую жизнь, чтобы взять на себя такую вину! Они, окопные товарищи Виктора Кочеткова, ушли в бессмертие, и наши сыновья сегодня старше уже наших вечно юных отцов, а поэту выпало всю жизнь нести в себе эту боль, эту память «Отпусти мою память. Сколько лет ты в плену ее держишь. По ночам я опять холодею в траншейном аду».

Стали уже хрестоматийными строки Твардовского о безвинной вине живых перед павшими побратимами («Я знаю, никакой моей вины в том, что другие не пришли с войны»). Можно, конечно, считать случайностью то, что именно Александр Трифонович обратил в свое время внимание на творчество Виктора Кочеткова, но далеко не случайны роднящие поэтов мотивы долга перед теми, чьи имена вызывают к нам со звездных обелисков, верности тем, чьи безымянные могилы напоминают сегодня всей Европе, кому она обязана миром и спасением от коричневой чумы...

Безусловно, справедливо утверждение, что биография поэта — в его стихах. И по книгам Виктора Кочеткова можно проследить его жизненный путь. Есть в них стихи о Башкирии, где он вырос в деревенской семье и где после десятилетки (законченной, кстати, с отличием) из-за материальной стесненности сразу начал трудовую жизнь, оставив до поры мечты о вузе. Есть целая книга стихов о Молдавии («Росный час»), где поэт, уже после войны, закончил университет и несколько лет работал в печати. Найдём здесь и любовные строки о Волге — вместе с Н. Шундиком и В. Сорокиным они формировали в Саратове первые номера журнала, принявшего имя великой реки... Но не отпущает память то главное — страшное и великое, что, может быть, и побудило В. Кочеткова взяться за перо.

Как вначе з юнцу, ушедшему в 42-м на фронт, все военное выдилось «мирными» глазами («Зенитки, похожие на телескопы», «как будто коробки вчерашнего фильма, автоматные диски лежат на столе», «тантены армейских чувствительных раций на рыбацкие верши похожи слегка»), так сегодня для опытного, прожившего многотрудную жизнь человека все окружающее неизбежно ассоциируется с

войной. Вспоминает ли он отца-мельника —

Вот он стоит
смущенно-горделивый
чуть впереди
береговой сосны,
в двух метрах
от скалистого обрыва,
в неделе
от нежданной войны;

обращается ли думою в невозвратное детство —

Не переплыть,
не перебраться мне
На милый берег
в отчие хоромы.
Паромщики погибли на войне,
На дне войны
покоятся паромы

— нигде уже не оставляет его новый горький опыт: «Как атакующие цепи, снопы на сотни верст легли», «Тропинка узкая змеится — траншеей кажется она», вплоть до того, что, словно опомнившись, поэт пытается стряхнуть с себя это наваждение: «О, черт возьми, опять о мире пишу военным языком!». Комсорг отдельного пехотного батальона, командир маршевой роты Виктор Кочетков прошел через всю войну. Были на этом пути и четыре месяца надругательств и унижений фашистского плена, был побег из лагеря и переход через линию фронта и — бои, бои, на самом переднем крае, до самого победного конца...

Стоит ли удивляться после всего, что начало мирной жизни было воспринято поэтом как Начало Жизни вообще. «И река была снова река, а не водный рубеж... И береза на взгорке всего лишь березой была, а не вехой прищипленной наводчика-артиллериста! Тогда же, в 1950-м, в Кишиневе вышла первая книга стихов Кочеткова — «Солдаты мира», которую благословил Михаил Светлов и за которую начинающий поэт был принят в Союз писателей.

Чем же в самых истоках творчества неизвестный еще стихотворец привлек внимание двух таких мастеров, как Твардовский и Светлов?

Конечно, в определении значимости писателя очень важным является вопрос, что он видит и о чем пишет. Но мысль, идея, тема, облеченные в слова, не становятся еще достоянием литературы, важную проблему может поставить и журналист, и — зачастую — с большим практическим эффектом, добываясь более видимых и скорых результатов. Действие искусства менее заметно, но более глубинно и долговременно. Виктор Кочетков много ездит и много видит и мог бы, вероятно, поставлять в газеты и журналы массу поэтических репортажей и фелье-

тонов. Но Виктор Кочетков — поэт, а для поэта все-таки важнее, как он видит и как говорит об увиденном.

Когда-то, в книжке десятилетней давности («Тепло земли», «Советский писатель», 1973), поэт декларировал: «И понял я — искусство удивляться — куда мудрей искусства удивлять». Как в любой декларации, непременно несущей элемент максимализма, в этой тоже можно найти уязвимое место. «Искусство удивляться», то, что у нас принято называть «детским взглядом на мир», никогда не оставляет В. Кочеткова. И он сегодня понимает (и, конечно же, понимал всегда, иначе бы не был поэтом), что один только «детский взгляд» — это для себя, для удовлетворения личных эстетических потребностей; а чтобы «удивить» читателя, нужно, имея в руках единственное орудие — слово, заставить его, читателя, увидеть мир вместе с тобой, твоим удивленным взором. Нездаром, рисуя зимний пейзаж, поэт завидует: «А всего-то одна только краска у природы была под рукой».

Какая увлекательная игра и какой адски изнурительный труд — поиск самого нужного, самого уместного в данном контексте слова! Ведь язык наш не настолько быстро развивается, чтобы давать каждому новому поэту новый же словарь. Необходимо старому придать новое звучание. Здесь нужна смелость — да! — но смелость, подкрепленная фундаментальными знаниями.

Читая Виктора Кочеткова, я невольно вспоминаю Лескова. Знаток языка, великий мастер русской прозы без оглядки вводил в текст и украинизмы, и архаично-церковные слова, и жаргонно-диалектные выражения... Виктор Кочетков насыщает стих малопотребляемыми словами не для того, чтобы блеснуть эрудицией, но чтобы вернуть родной речи в силу различных обстоятельств утраченное или полужабытое ею: колюче-е, гибнень-пирог, холоде-е, выморок, ендывы, сево, порубежник; обогатить ее за счет диалектов и родственных языков: клёккий, сиромаша, опад, смуругий, затинок, лядина, погляд, глечик; внести по возможности и свою лепту в процесс словообразования: скосок, шурко, выцветы...

Поэт не склонен ошарашивать читателя водопадом искрометных метафор, но зато в каждой из них есть и тот самый «детский взгляд», и умение с помощью слова сотворить настолько зримую картину, что у читателя

создается эффект присутствия: «Засверкает чешуей подлещика каждый оттиск кованых копыт», «И зайдется мелкой дрожью озеро, словно круп буланого коня»; а одно-единственное, вроде бы вовсе не поэтичное определение заменяет целую развернутую характеристику: «Он к природе как будто к любовнице хаживал, прогрессивной своей светлой утомлен».

В. Кочетков — об этом свидетельствуют его стихи — никогда не принадлежал к подобным «любителям пейзажа». Когда читаешь о Заволжье:

И шелестят,
и рвутся на ветру
Прибрежных ив
растрепанные челки.
Тень облака сбегает по бугру
Навстречу мне
знакомой собачонкой,

— понимаешь, душой улавливаешь, что подобные строки не могли родиться в тиши гостиной. Их и «пейзажными зарисовками» назвать нельзя, ибо это всегда — состояние человека в природе.

В каждой книге В. Кочеткова есть стихи, которые можно выделить в раздел с условным названием «Вдали от дома». Чувство сопричастности судьбам мира, ответственности за все происходящее в нем, слитности с ним зовет поэта в самые, как принято говорить, «горячие точки» страны, и все увиденное и пройденное — «прошло не мимо, стороной — через меня, через меня». И то же чувство заставляет его урывать у жарче-ства столь дорогие часы, цена которых с каждым годом возрастает, и отдавать их общественным делам. Ибо легко, конечно, любить все человечество, легко и необременительно, но — «как же буду я дальних любить, если ближних любить не сумею». Всю жизнь занимался Виктор Иванович этими самыми «общественными делами», и всю жизнь стремился он прийти на помощь конкретному, а не абстрактному «ближнему».

Постигая на собственном опыте все муки и радости работы над словом, изучая «секреты» отечественной классики и чутко следя за движением современной поэзии, В. Кочетков стремился синтезировать свои наблюдения и выводы в литературоведческих, исследовательских трудах; его имя давно стало привычным в критических разделах журналов и газет. Кочетков автор книги «Люди и судьбы», в которой анализируются творчество известных мастеров советской литературы и произведения поэтов и прозаиков, опубликованные в последние годы.

Мы всегда с особым интере-

сом относимся к критическим выступлениям прозаиков, поэтов, судящих о законах и задачах творчества, основываясь на самом непосредственном участии в нем... Виктор Кочетков работает в поэзии уже около сорока лет; ему есть чем поделиться с младшими товарищами по перу; его раздумья о литературе подкреплены глубоким знанием, неизменным вкусом и кровной заинтересованностью...

Виктор Кочетков — секретарь парткома Московской писательской организации. Все его выступления пронизаны духом коммунистической идейности, партийной принципиальности, постоянным вниманием к творческим проблемам, заботой о писателях, о воспитании литературной смены. К Кочеткову относишься как к старшему товарищу, с которым всегда можно поделиться сокровенным. В кабинет к нему идешь не на прием, а на доверительный, человеческий разговор. Да и сам «кабинет» в данном случае понятие условное: в залах ЦАД, на улице, по домашнему телефону он выслушает тебя, не поглядывая на часы. Выслушает и поможет...

И удивляешься: когда же пишешь стихи? А стихи тем не менее пишутся, и вот последняя, прошлогодняя, книжка — «Крик ночной птицы», изданная «Советским писателем», и опять удивляешься: скоро сорок лет, как отгребели последние залпы, а здесь они звучат и потрясают с новой силой. Но как забыть прошлое, когда «война из всех калибров по сердцу матери палят»? Когда — «одну тебя шепчу, одну тебя зову, но тысячи теней на этот зов приходят»? И узнаешь «под гражданской одеждою слова фронтовую былую повадку и статью», и глубоко волнует образ, звучащий напоминанием, предупреждением, заклинанием:

Роняет шелест желтая листва,
Устало кружит
беркут серокрылый.
И кажется,
что степь была б мертва
Без этой зарастающей
могили.

...И отчетливо осознаешь, насколько они, фронтовики, с кем мы почти уже сравнялись годами, — насколько они старше нас.

На целую войну...

Николай КОТЕНКО